

ми той или иной модели антонимии, глагольной антонимии в частности, позволит школьникам глубже увидеть закономерности в противопоставлении слов, лучше усвоить данный лексический материал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Типы языковых парадигм: Тез. докл. и сообщ. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала (Свердловск, 2—5 февр. 1988 г.). Свердловск, 1987.

² Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. слов.-справ. / Под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск, 1988.

³ Гоголина Н. А., Кусова М. Л., Нетяго Н. В. Соотношение лексико-семантических парадигм типа ЛСГ и антонимических рядов // Лингв. чтения, посв. памяти докт. филол. наук, проф. Э. В. Кузнецовой (Свердловск, 6—8 февр. 1989 г.): Тез. докл. и сообщ. Свердловск, 1989. С. 23—24.

⁴ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 290—292.

⁵ Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1982. С. 73.

⁶ См.: Лексико-семантические группы...

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

В. В. ШАПОВАЛ

Новосибирский пединститут

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ

Предпринимается попытка на материале древнерусских оригинальных житий интерпретировать факт семантического сближения существительных *дързновение* и *оупование*, зафиксированный древнейшими восточно-славянскими словарями.

Древнерусский язык для нас, носителей языка-потомка, в некоторых случаях представляется более близким и понятным, чем современные родственные языки. Думается, что инерция наших собственных языковых навыков, порой создавая иллюзию понимания, не позволяет разглядеть принципиально иные системные отношения за незначительными «шероховатостями» свидетельств древнего текста. О явлении неполного понимания размышляли многие русские филологи¹. «Минувшие языковые системы нами интерпретируются с трудом; мы не переживаем вполне, а лишь частично, приблизительно, притом сильно пересмысливая, воспринимаем их элементы», — писал Р. О. Якобсон².

В данной статье в качестве единичного случая «мертвых» системных отношений предполагается рассмотреть синонимическое сближение двух наименований душевного состояния чело-

века: *дързновение* и *оупование* — уточнить условия этого сближения и степень близости данных слов.

Прежде всего, надо заметить, что дефиниции интересующих нас значений данных существительных в словарях древнерусского языка с точки зрения интерпретации встреченных в агиографии словоупотреблений показали нам недостаточными: *дързновение* (во втором значении) — ‘свобода говорить, просить о чем-либо, обращаться с чем-либо’³; *оупование* — ‘надежда’⁴. Прежде всего, *дързновение* является наименованием особого душевного состояния, позволяющего низшему по социальному положению лицу обращаться к высшему, как это будет показано нами при разборе конкретных словоупотреблений. Существительное *оупование* (орфографического варианта *оупъвание* в наших текстах нет) также обозначает душевное состояние. Заслуживает внимания тот факт, что в древнейших русских словарях (алфавитах, азбуквниках) *дързновение* используется в качестве толкования существительного (*у*)пование: *пование* — ‘дерзновение’⁵; *пование* — (Т) ‘дер’зновение’⁶; *пование. де(р)зновение*⁷; *пование. дерзновение*⁸; *пование, дерновение*⁹. Вероятно, перенос слова (*у*)пование под литеру П указывает на то, что *оупование* было редким словом, нуждалось в толковании через посредство *дързновения* и, не имея обширного гнезда родственных слов, оказалось на грани забвения: многочисленные переписчики не восстанавливали начальную букву. В ряде алфавитов встречается также западно-славянское заимствование *дуфанье*, исторически также связанное с *оупъвание*¹⁰. Оно толкуется как ‘дерзновение’¹¹. Обратное соотношение (*дръзновение* толкуется через ‘дуфанье’) отмечается в словаре Беринды: *дръзновение* — ‘...дуфанье’¹²; а также *оупование* — ‘...оуфанье’¹³. В западно-русских словарях отмечается и синонимия исходных глаголов: *уповаю* — ‘дръзаю’¹⁴; *confido* — ‘уповаю, дерзаю’¹⁵. Не вызывает сомнения наличие между существительными *дързновение* и *оупование* отношений синонимии, подтверждаемых древнерусскими и среднерусскими книжниками.

Рассмотрение материала древнерусских житий позволяет контекстуальные условия синонимического сближения существительных *дързновение* и *оупование* определить более точно, поставить в зависимость от этикета общения. Прежде всего, бросается в глаза «тематическое» единообразие контекстов, в которых реализуется значение ‘свобода говорить о чем-либо’ у существительного *дързновение*: «о милыи мои брате и г (осподи) не аще еси оуполоучилъ *дръзновение оу г(оспод)а. моли о моемь оунынии*» (Б: 13 в) *; «помоли ся мнѣ *къ обыщемоу вл(ады)цѣ. яко имѣя дързновение* и престою оу престола его» (Б: 14 в);

---

* Условные обозначения и библиографическое описание источников в конце статьи.

«тѣгда разоумѣите яко далече ми быти. и не имоуща *дѣрзнове-
вения* молити ся къ *немоу*» (т. е. богу) (Ф: 64 а); «обаче о
семь разоумѣите *дѣрзновение* мое еже къ б(ог)оу.
егда видите всѣя благая оумножающаяся въ монастыри семь»
(Ф: 63 г); «въмѣ бо извѣстно, яко имаши *дѣрзновение* къ с(вя)-
тѣи тро(и)ци» (Р: 68); «яко имѣя *дѣрзновение* къ Богу,
пр(еподо)бниче, помолися и за мя» (П: 765); «аще имаши
дѣрзновение к нему помолитися» (П: 760); «да аще еси полу-
чить *дѣрзновение* у Бога молися о мне» (БГ: 172 г); «на небе-
сехъ съпрославлястася съ рабы Божии, тѣмъ *дѣрзновения* от
Него сподобльшася» (С—1: 111); «нѣ на небесехъ прослависта-
ся съ рабы Божии; тѣмъ и *дѣрзновѣние* отъ него съподобиста-
ся» (С—3: 105 об.); «тѣмъ же, *дѣрзновение* имуща, мученика свя-
тая и супруга благородная брата, непрестаита молящаяся за
отчество ваю, вы бо еста затупника и врача...» (С—2: 100).

Приведенные употребления существительного *дѣрзновение*
достаточно однотипны и позволяют сделать ряд обобщений:

— речь идет об особом психическом состоянии человека, воз-
никающем в связи с его обращением к высшему лицу;

— это психическое состояние позволяет ему преодолеть оп-
ределенные социальные запреты и первому обратиться к высше-
му лицу;

— интересно, что почти во всех контекстах встречаются
средства выражения «сомнения» в возможности обращения к
высшему лицу (*аще, яко* и др.).

В близких контекстах встречается и *оупование*: «тако ти
тѣщание бѣ къ б(ог)оу надежа пр(еподо)бнааго феодоса.
и тако *оупование* имяаше къ г(оспод)оу нашему» (Ф: 556);
«бѣ въроу и надежею къ б(ог)оу въскланяя ся, яко же паче не
имѣти *оупования* неизмениемъ» (Ф: 49а).

Последний пример вне более широкого контекста нуждается
в переводе: 'пребывал с верою и надеждою в поклонах богу,
ибо иного упования не имел по причине бедности'. Как видим,
оупование также указывает на определенное душевное состоя-
ние, возникающее в связи с обращением к высшему лицу (богу).
Другое сходство с *дѣрзновениемъ* содержится в контексте: это
выражения «сомнений» по поводу правомерности обращения по
собственной инициативе к высшему лицу: «си на оумѣ азъ
грѣшьныи нестеръ примѣ. и оградивъ ся въроу и *оупованиемъ*.
яко всѣя възможна от тебе соуть» (Ф: 266); «разбогатѣвъ бла-
годатию божиею. и оградивъ ся въроу и *оупованиемъ*» (Ф: 376).
Упование помогает человеку действовать целенаправленно даже
в условиях сомнений, ощущая себя проводником воли прови-
денія: «тѣмъ же подобает намъ о всѣм *упование* възлагати на
господа» (Р: 25).

Таким образом, и агиография, и древние словари в опреде-
ленной мере отражают факт синонимического сближения суще-
ствительных *дѣрзновение* и *оупование*. Попытаемся предложить

наше понимание механизма этого сближения — с учетом особенностей средневекового этикета общения.

«Средневековая корпоративность» диктовала человеку очень узкие рамки поведения¹⁶. Любое обращение низшего к высшему в этой системе приобретало форму просьбы, моления. При обращении по собственной инициативе просящий испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, он не мог предсказать реакцию высшего по положению лица, к которому обращался, т. е. ощущал себя потенциальным нарушителем этикета (показательно в этой связи, что *отрок* как социальный термин первоначально значил 'не имеющий права говорить'¹⁷), с другой стороны, он решился подать голос только потому, что рассчитывал на положительную реакцию, на милость высшего лица. Эти противоречивые чувства прочно ассоциировались с ситуацией обращения «вверх» по собственной инициативе и недифференцированно именовались чаще *дързновение*, иногда — *оупование*. Обе номинации лишь частично раскрывали амбивалентное содержание понятия — социально обусловленного эмоционального состояния, однако для праведного человека в этом конгломерате чувств, по всей вероятности, не было видимого противоречия, так как он смел проявить *дързновение*, т. е. 'решимость предпринять что-либо', только в состоянии *оупования* на то, что его решение уже подкреплено одобрением на самом высоком уровне.

Н. С. Трубецкой отмечал, что *дързновение* в славянской терминологии становится соответствием греческого *παρρησία*, латинского *fiducia*, обозначающих «особое одушевление», положительное с точки зрения христианской этики¹⁸. Синонимическое сближение существительных *дързновение* и *оупование* — это своеобразный конкретный пример того, как феодальные отношения отражались в сознании, настроенном на христианское восприятие окружающего мира.

Без более общего анализа нет оснований говорить о месте этого сближения в древнерусской этической системе, однако даже рассмотрение этого факта изолированно не лишено ценности, так как он пока не нашел отражения в лексикографических источниках.

ИСТОЧНИКИ

Сказание о Борисе и Глебе // Успенский сборник. М., 1971. Л. 86—186.— (Б).

Проложное житие Бориса и Глеба // Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1915. С. 97.— (БГ: 172 г).

Житие святого Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Спб., 1897. С. 1—112.— (П: 760, 765).

Житие Сергия Радонежского // Тихонравов Н. С. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892. С. 3—69.— (Р: 3—69).

Служба святым Борису и Глебу // Абрамович Д. И. Жития... С. 136—143.— (С—1).

То же (вторая разновидность редакции) // Там же. С. 143—146.— (С—2).

То же (третья разновидность редакции) // Там же. С. 146—150.— (С—3).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 258; Трубецкой Н. С. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семантика. М., 1983. С. 437; Фортунатов Ф. Ф. Самавед — Араньяка — Самхита. М., 1875. С. 57 и др.
- ² Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 272.
- ³ Словарь русского языка XI—XVII вв.: В 10 т. М., 1975—1983. Т. 4. С. 227.
- ⁴ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Спб., 1912. Т. 3. С. 1250.
- ⁵ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII века. Л., 1975. С. 264.
- ⁶ Там же. С. 297.
- ⁷ Азбуковник. ГПНТБ СОАН СССР, Тихом. № 84. Л. 82.
- ⁸ Алфавит. ГПНТБ СОАН СССР, Тихом. № 72. Л. 148.
- ⁹ Там же. № 84. Л. 389 об.
- ¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 4. С. 164.
- ¹¹ Алфавит. № 84. Л. 127; № 99. Л. 54.
- ¹² Беринда П. Лексикон словенороський. Київ, 1961. С. 29.
- ¹³ Там же. С. 140.
- ¹⁴ Там же. С. 140—141.
- ¹⁵ Славинецький Е. Лексикон латинський. Київ, 1973. С. 137.
- ¹⁶ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973. С. 124, 149.
- ¹⁷ Фасмер М. Указ. соч. Т. 3. С. 172—173; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 57—58.
- ¹⁸ Trubetzkoy N. S. Introduction to the History of Old Russian Literature // Harvard Slavic Studies. Cambridge, 1954. Vol. 2. P. 102.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

В. Н. КАПЛЕНКО

Свердловский пединститут

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ВРЕМЕНИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Исследуются закономерности художественного функционирования существительных, обозначающих единицы времени, в поэтической речи.

Статья посвящена выяснению закономерностей художественного функционирования существительных, обозначающих единицы измерения времени (на материале лирических стихотворений Б. М. Марьева).

Существительные, обозначающие единицы измерения времени, имеют категориально-лексические семы 'длительность' и 'количественная определенность'. Дифференциальные семы